

Выюга Юности

Ксения Беленкова

Ксения Беленкова

Вьюга юности

«Автор»

2012

Беленкова К. А.

Выюга юности / К. А. Беленкова — «Автор», 2012

ISBN 978-5-699-54750-0

Морозная зима... Белая выюга... Природа замерла в ожидании весны... Не обманывайся! И в это время года могут происходить судьбоносные встречи, а жизнь круто меняться. Пятнадцатилетняя Александра узнает, что родители ее обманывали, а правду, которую они скрывали, нельзя ни понять, ни принять. Но каникулы, проведенные у бабушки, изменили привычный мир Саши. Она не только разобралась в себе, своих чувствах и переживаниях, но и с новой стороны открыла таких знакомых людей. Александра перевернула страницу, и Новый год сулит ей только хорошее, ведь желания всегда исполняются.

ISBN 978-5-699-54750-0

© Беленкова К. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ксения Беленкова

Выюга юности

*Посвящается любимой бабушке
Трегубенковой Тамаре Федоровне
«Я и правда живой, – думал Дуглас. – Прежде я этого не знал, а
может, и знал, да не помню».
Рей Бредбери.
«Вино из одуванчиков*

Глава первая

Тайна

В тот день валил снег. Он укрывал московские дворы, точно свежая простины старый матрац. Зима робко пробралась в город еще в ноябре – инеем побелила травы, стянула лужи корочкой льда; а сейчас настало ее законное время. В декабре город не подчинялся ни мэру, ни президенту – им правила куда более властная и сильная хозяйка. Она регулировала дорожное движение, сковывала морозом трубы, она и только она решала – идти нынче ученикам в школы или поберечь свои носы дома. Ложась чистым листом снега на годовую грязь, зима готовила природу к году новому.

Пятнадцатилетняя Александра Шарабанова, а проще – Саша, скользила по скверу, и ее ноги жили своей собственной жизнью, отбивая чечетку на каждом шагу. Мысли Саши были настолько далеки от ног, что она совершенно не заметила того, как неожиданно научилась новому танцу. Снег сыпал новогодней мишурой, лип на ресницы, лез в рот. И Саша, как этот снег, с каждым шагом будто бы падала и падала вниз. В какой-то момент ей даже начало казаться, что она давно уже не здесь – под небом Москвы, а там – подо льдом дороги, где в отражении прятался замерзший город. Седая зима сковала не только землю, но прокралась и в душу, отчего Саша слышала, как ее сердце не стучит, а звенит внутри.

На первый взгляд, это была самая обычная девчонка, окутанная декабрьской пургой. Конечно, если предположить, что на свете существуют «обычные» девчонки. Возьми любую да приглядись к ней сквозь лупу, которая каждую пылинку превращает в загадочный кристалл. Так вот, направь воображаемую лупу на любую девчонку, и окажется, что в ней странностей больше, чем в пирамиде Хеопса. Обязательно подумаешь – откуда только такие берутся?

Выходит, Саша была совсем обычной необычной девчонкой. Она жила в обычной семье, в обычном городе, ходила в обычную школу и сегодня узнала одну обычную тайну. Правда, пока не поняла этого и чувствовала себя нагруженной непосильной ношей, с которой совершенно невозможно было справиться…

Еще утром Саша и подумать не могла о том, что сегодняшний день таит в себе загадки, способные перевернуть всю ее жизнь с ног на голову. Впереди забрезжили зимние каникулы, и в эту субботу их класс отпустили из школы на два урока раньше. Радостная Саша шла домой по просыпающемуся городу. А зима хватала ее за нос, ветром холодила щеки, застrevала снежинками в ресницах. Оказавшись после уличного мороза в домашнем тепле, Саша собиралась тихонько раздеться, чтобы своим появлением не помешать еще спящим родителям. В выходные они имели привычку просыпаться чуть ли не к обеду. К тому времени Саша иногда успевала сделать столько, что в пору было самой ложиться пластом. Только сегодня все произошло иначе. Услышав голоса в спальне, Саша сначала подумала тихонько прошмыгнуть к себе в

комнату, не обнаруживая своего присутствия. Но что-то остановило ее. Будто клещами потянуло за уши. Проходя мимо спальни, она отчетливо услышала беседу родителей. Мама говорила так громко, что даже не приходилось сильно напрягать слух. Папа, как всегда, был скончен на проявление эмоций, но речь его была вполне разборчива. Какое-то время Саша никак не могла взять в толк, о чем они спорят. А потом поняла...

И то, что она узнала, разломило ее мир надвое! Трещина оказалась такой широкой, что перемахнуть в прошлую жизнь уже никак не получалось. Там оставались лишь ложь и обман. А впереди – неизвестность. Саша стояла ошеломленная, оглушенная услышанным. Оказывается, родители всю жизнь хранили от нее секреты: врали и обманывали на каждом шагу, вовсе не собираясь менять подобный уклад. И это были те люди, которым она доверяла больше всего на свете! Еще не до конца понимая, что же произошло, но боясь оказаться замеченной, Саша схватила сумку и выскользнула из квартиры.

В полумраке лестничной клетки, откуда лестницы разбегались вверх и вниз, Саша прилипла спиной к двери, чувствуя себя чужой этому дому. И будто бы из квартиры шел запах лжи – он щекотал нос, отчего тот краснел и распухал. Тогда-то ноги и понесли ее прочь – ступенька за ступенькой, улица за улицей, и вот она уже в старом сквере. Скользит по обледенелой дороге, мечтая только об одном – чтобы все это оказалось лишь странным сном! Саша даже ушипнула себя за руку, в надежде, что сейчас же проснется и все будет как раньше. Рука заныла, предательски доказывая – все это происходит наяву...

Присев на лавку, ставшую от снега ватной, Саша смотрела в зиму и пыталась сбраться с мыслями. Они кружили в голове, будто снежинки, никак не укладываясь в симметричный и ясный узор. Все слова, что нежданно обрушились на нее сегодня, звучали на каком-то чужом, непонятном языке. Саша пыталась сложить из них ту суть, которую смогла бы понять и принять. Но у нее совершенно ничего не получалось. Серьезные размышления всегда казались Саше похожими на рыбалку. Закидываешь удочку и сидишь перед гладью пруда: все ждешь и ждешь, что сейчас клюнет рыба. Знаешь: она затаилась и высматривает наживку, вот-вот мелькнет ее тень под водой, вот-вот дернется леска, и тогда не тяни – тяни! Аккуратно, чтобы не сорвалась. Если все сделать правильно, не спешить, уметь дождаться верного момента, рыба-мысль выскочит наружу, и сразу станет радостно от ощущения, что мир теперь на одну рыбку понятнее.

Только сейчас все шло иначе, Саша не могла сосредоточиться, она закидывала удочку и, не дожидаясь, когда рыба заглотнет наживку поглубже, выдергивала леску. Каждый раз с голым крючком. И в голове становилось пусто, и вымышенный пруд затихал, замирал, затягивался льдом. Понятно было лишь одно – всю жизнь ее обманывали, и собственная мать плела интриги, создавая вокруг себя иллюзорный мир. Мир, который стал для Саши родным, любимым, единственным. Теперь он был раздавлен, разрушен, как замок Снежной Королевы. И все то, что раньше казалось прекрасным, сейчас вонзалось осколками в сердце, замораживая его. От досады на глазах Саши выступили слезы, и снегопад потек. Снежинки проплывали одна за другой: крупные и крохотные, круглые – ощетинившиеся, как ежики, и мохнатые, как шмели, и все как одна – белые, белые, белые...

– Шарабанова, с тобой все в порядке? – одноклассница Людка Полетаева невесть откуда возникла возле заснеженной лавки и теперь стояла над Сашей, потирая красный от холода нос варежкой.

– Путем. – Саша стряхнула замерзающую слезу со щеки. – Ты откуда здесь?

Людка махнула рукой в глубь сквера, и Саша увидела Макса Лаврова, который пытался удержать в вертикальном положении разлапистую елку. Сейчас напоминание о празднике ото-

звалось новой болью, будто эта елка колола своими иголками, впивалась в кожу. Кто-то совсем рядом был счастлив, но у Саши не хватало сил порадоваться за друзей.

– Максим помогает мне елку с базара домой дотащить, – гордо сообщила Людка и тут же вскрикнула: – Ой-ой-ой! Они падают!

Макс начал перебирать ногами, словно девочка на шаре, раскинул в стороны руки, выронил елку, свалился и полетел по дороге к ногам своей возлюбленной. Елка неслась за ним, накалывая на иголки снег и превращаясь в гигантский моток сахарной ваты на палочке. Людка невольно рассмеялась. А вскоре и Саша уже не могла сдержать улыбку. Да и сам Максим грохотал хохотом так, что распугал украшавших березу толстых ворон. Они закаркали, захлопали крыльями, а потом растаяли в снежной белизне.

– Живой? – Люда наклонилась к Максу, помогая ему встать.

Вместо этого Максим увлек ее за собой, и они начали кататься по снегу, как ненормальные, хихикать и обниматься. И тут же Саше опять стало так грустно, что захотелось немедленно исчезнуть с этого места: оказаться как можно дальше от всех влюбленных парочек – за тысячи километров нехоженых дорог, нетронутых снегов и непаханых полей...

– Пойдем с нами елку наряжать, – предложила сердобольная Люда.

Она вылезла из сугроба и теперь подставила радостному Максу свою спину для очистки от снега.

– Нет, не могу, – соврала Саша, – у меня тут… это… встреча, жду, вот...

Ей хотелось как можно быстрее отвязаться от друзей. Поделись она сейчас своей тайной с Людкой, и вполне вероятно, что на следующий день ее позовет на беседу школьный психолог, а хуже того – горячие новости появятся в классной газете. И конечно, подруга будет всего лишь желать ей добра, от чистого сердца стараясь помочь.

– Ну да, ну да, – недоверчиво покачала головой Людка, всматриваясь в Сашино лицо, но поняв, что подруга непреклонна, согласилась. – Как знаешь...

Уцепившись в четыре руки за непослушную елку, веселая парочка заскользила по скверу, и уже через минуту они забыли про одинокую Шарабанову. У ребят была своя жизнь, которая явно доставляла им удовольствие. А метель увивалась за влюбленными хвостом, рассыпая снежный шлейф снежинок, смешинок. Или это была уже белая Сашина зависть?..

Почти все Сашины подруги давно встречались с парнями. Вот и Людка с сентября не расставалась с Максимом – точно волшебник со своей палочкой, вертела им, как захочет. А тот готов был ради своей девушки на любое чудо: контрольную по алгебре на «отлично» за двоих решить или урок сорвать, если Людка к нему подготовиться не успела. Лишь бы не меркли в ее глазах озорные искорки, лишь бы звенел смех, воспоминание о котором каждое утро вытихивало Макса из постели лучше любого будильника. Так их роман с ежедневным постоянством заводил часы беспечной, влюбленной в жизнь юности.

Саше всегда казалось, что у остальных все получается на удивление просто, будто само собой. Однажды посмотрят друг на друга, словно в первый раз, заулыбаются: она волосы начнет поправлять, он – почесывать верхнюю губу, будто проверяя себя на усатость. А через несколько месяцев глядишь – они уже елки наряжают, как супружеские пары. Недавно Саша узнала, что даже «круглая» отличница Полина, любимица учителей и поваров, нашла себе какого-то ботаника из одиннадцатого класса, который теперь важно носил ее школьную сумку и мешок с обувью сорокового размера. Да еще декламировал при этом Блока или Пастернака. В общем, блестал силой, эрудицией и хорошей памятью. А Полина плыла рядом с ним, расправив плечи и гордо вышагивая своими длинными ступнями. Она кидала на одноклассниц победоносные взоры, будто доказывая, что не хуже остальных.

Только у одной Саши ничего путного с личной жизнью никак не выходило. Рассудительная Людка обычно укоризненно замечала:

– Шарабанова, ты слишком гордая и несговорчивая! Ясное дело – парни тебя боятся.
– Глупости! – отмахивалась Саша.

А потом получала от подруги часовой урок обольщения мальчишек. Ей предлагалось стать более открытой, да что там – простой. К чему парням сложные девушки? И эти занятия были похлеще военной подготовки, одна стрельба глазами чего стоила! Нет, Саша была уверена – бойца любовного фронта из нее не выйдет…

– Мальчишки просто-напросто боятся умных и самоуверенных девчонок, – резюмировала Людка, закинув ногу на ногу и покачивая узкую лодочку на пальцах. – Так что тебе, Шарабанова, нужно чуть-чуть им помочь, расслабить, а уже потом – захватить…

По правде говоря, никто и не догадывался, что Саша сама – изрядная трусиха. Заметив робкое внимание к себе, она не умела ответить задорным взором, а лишь краснела, как свекла, и, стараясь скрыть этот позорный факт, смывалась куда подальше. А потом еще долгое время избегала объект собственного стыда, страха и тревог.

К пятнадцати годам она начала ощущать себя старой девой, стерегущей свое одиночество, как верный пес хозяйский дом. Сколько раз Саша пыталась прогнать этого пса, но в ответ он забивался в укромный уголок ее души и рычал оттуда, а того хуже – скулил, что было совершенно невыносимо. Иногда Саша думала, что у каждого человека есть такой зверь где-нибудь под кроватью души. Порой, прия к знакомым в гости, ей невольно хотелось заглянуть под их постели, чтобы встретить душевных зверей. Она представляла, что кто-то прячет там котенка, а кто-то – настоящего тигра. И по внешнему виду человека не сразу можно отгадать, что за зверь сидит под кроватью его души. Лишь иногда, теряя контроль над собой, забываясь – чему-то искренне радуясь или отчаянно злясь, люди выпускают этих зверей из убежищ. На минуту, на секунду – мелькнет влажный носик или длинный коготь, и все – как не бывало.

Саша была уверена, что под постелью Людки жила лиса. Иногда она показывала оттуда острую мордочку, но тут же заметала следы пушистым хвостом.

Сейчас, когда вокруг стелилась белая пустота и можно было выпустить своего зверя наружу, Сашин пес тихонечко выглянул и лизнул ее в нос. Отчего тот стал мокрым, покраснел, и Саша чихнула. Снежинки разлетелись от ее лица в разные стороны, а потом снова продолжили зимний танец. В этот день Саша была особенно зла на своего пса: жизнь ее разваливалась на части, рассыпалась паззлом, да так, что уже и не вспомнить былую картинку. В такие моменты хотелось иметь рядом какого-нибудь Макса или хотя бы зубрилу из одиннадцатого, любителя поэзии и крупных форм. Все равно кого, лишь бы не ощущать себя такой несчастной, одинокой и обманутой. Хотя, это была неправда – Саша знала – ей нужен только один человек. Тот, что в ароматный летний день прикоснулся губами к ее губам, оставив печать первого серьезного чувства. Воспоминания нахлынули неожиданно. Казалось, что они занесены зимними снегами, и чувства давно охладели. Но сейчас Саша видела все таким настоящим и живым, будто окунулась в прошлое…

Это случилось ушедшем летом, в самом его начале, когда сочные травы еще тянули к небу свои языки и жадно лакали его теплые дожди. Солнце растопило лед Сашиного сердца, сморило полуденным сном ее пушистого сторожа – пса. Лето огненным маревом катило по земле, гремело грозами и шумело дождями. Дышало после ливней свежестью, запахами трав и цветов, заставляло скидывать сандалии и нестись песчаным берегом речушки, впитывая голыми ступнями его неутомимое тепло.

– Сашка, слышишь стук? – Глаза Никиты закружили синеву неба и зелень листвы.

– Это дятел? – прислушалась она.

– Это мое сердце! – Он приложил Сашину руку к своей груди.

А потом они бежали, сплетя пальцы. И листья шептали им о юности, о радости, о любви…

Да где-то в вышине начал свой перестук красноголовый дятел, который услышал дробь пернатого друга и вовсе не догадывался о том, что это всего лишь стучит сердце одного влюбленного мальчишки. А после мир закружился, завертелся: небо встало с головы на ноги – они упали в траву, и все лето оказалось вдруг таким маленьkim, что уместились на Сашиных губах, обдавая их теплом. Этот миг, когда она нечаянно стала хозяйкой мира, и свой первый поцелуй Саша запомнит навсегда...

Потом было расставанье: разные школы, разные города, разные жизни. И Сашин страх – что будет, когда они встретятся вновь? А подумать-то, их разделяли какие-нибудь пары часов езды на машине. Но это расстояние будто бы развеяло их чувство по ветру. Поначалу ребят связывали звонки, потом сообщения, но тепло уходило из них с каждым месяцем осени. Теперь и оставалось у Саши с Никитой всего ничего – одно лето, умещающееся на губах.

Саша вспоминала лето, и глаза ее слепило от солнца. Она моргнула: в тот же миг яркий июньский день превратился в искрящийся свет снежного покрывала зимы. Сашу обдало холодом, а в висках вновь застучала украденная раньше времени тайна, от которой не спасала даже память о счастье. Все вокруг стало невыносимо белым. Саша закрыла глаза и будто исчезла с лица земли.

А на Москву падал, падал, падал снег...

Глава вторая Зеркало тролля

Саша открыла глаза. Казалось, она просидела на скамейке, зажмурившись, всего-то несколько мгновений. Но тьма каким-то образом просочилась в этот ослепительно-зимний короткий день. Сквер посерел, казалось, что на снег легла пыль. И тут в конце аллеи Саша увидела того зубрилу-одиннадцатиклассника, что встречался с «круглой» Полиной. Вот уж точно – бойся своих желаний! Только что Саша ненароком захотела оказаться рядом с этим ботаником, и на тебе, пожалуйста. Зубрила понуро плелся по дороге, и, надо сказать, вид у него был далеко не радужный. Завидев примерзшую к лавке Сашу, ботаник явно чем-то озадачился. Остановился, начал перетаптываться на месте, а потом уверенно двинулся к ней.

– Ты же Шарабанова? Одноклассница Полины? – спросил он, выбрасывая слова, точно ядра из пушки.

Саша настороженно кивнула, не понимая, чего ему могло от нее понадобиться? Ботаник какое-то время молчал, переступая с ноги на ногу. Судя по молниям взглядов, он вынашивал какой-то план. А потом собрался с духом и выпалил:

– У меня к тебе дело. Ты должна сказать Полине, что видела меня сегодня в сквере с обалденной девчонкой. Ну очень нужно! Понимаешь?

Саша уставилась на Зубрилу, пытаясь взять в толк, что же здесь происходит. И тут ботаник заговорил снова, буквально захлебываясь словами:

– И еще скажи, что мы целовались. – Затем он еще раз взвесил все сказанное и уверенно повторил: – Обязательно добавь про поцелуй!

Саша в недоумении продолжала взирать на Зубрилу. Она-то думала, что у него одни блоки да пастернаки в голове. А оказывается, там было место для подобной чепухи. И с чего это он так завелся? Какие-то странные выдумки...

– Но зачем мне обманывать Полину? – пожала плечами Саша.

Ботаник сел было на лавку рядом с ней, но тут же снова вскочил и заходил туда-обратно, точно маятник: длинный, худой, головастый.

– Полина предательница! – Зубрила даже раскраснелся от гнева, ему явно надо было выговориться. – Я видел ее сегодня утром с одним напыщенным типом. Этот гад тащил Полину сумку и что-то шептал на ухо. И, честное слово, он чуть не провалился в это ухо, прилип намертво. А Полина шла и смеялась как сумасшедшая, честное слово...

Ботаник перевел дух, скомкал снежок, затем откусил от него знатную часть и начал с хрустом пережевывать, остаток же безжалостно размазал о ствол дерева. Саша всерьез заинтересовалась этой историей любовного отмщения. Неужели вокруг действительно столько много лжи? И даже примерные отличники вовсю врут друг другу! Саша будто провалилась этим утром в другой мир. Или осколок зеркала злого тролля попал ей в глаз – отчего все вокруг разом переменилось. Из простого стало сложным. Из правдивого – обманным.

– А что за парень? Из нашей школы? – Саша никак не могла представить Полину в роли обольстительницы и кокетки.

– Угу, – прохрумкал Зубрила. – Причем младше Полины на год, да и ростом не вышел. Мелкий, да, видать, прыткий. Коренастый такой! Помню, он медаль взял на прошлых спортивных соревнованиях. Я-то думал, Полине умные нравятся, а оказывается, ей дутые мышцы подавай!..

Саша бросила взгляд на тощий торс ревнивца и тут же вспомнила того спортсмена.

– Слушай, так это же Полинин брат медаль брал! Ты разве не знал? – рассмеялась она.

Ботаник вылупил на Сашу свои умные бычьи глаза, в которых еще не угас ревностный блеск.

– Брат? – Никогда он не выглядел так глупо. – Да мы как-то о семье с ней и не разговаривали…

– Ну да, куда уж там, – вздохнула Саша, одновременно жалея Зубрилу и завидуя ей.

А ботаник уже стучал себя тощей ладонью по лбу и все доддонил: «Брат! Брат!…» А потом, забыв обо всем, пустился чуть ли не вприскоку по дороге. Но тут же вернулся, подскочил к Саше и шепнул:

– Ты только ничего не говори Полине, хорошо? Ну, про обалденную девчонку… и главное – про поцелуи. – Ботаник состроил кислую мину.

Саша закивала, а Зубрила уже несся вперед счастливый, как младенец…

Пляшущая фигурка удачливого ревнивца потерялась вдали среди стволов. Предательство и обман обошли его стороной. Только что коварная ложь занимала все мысли и чувства, но ей пришло отступить. И Саша видела, насколько легче и радостнее стало на душе у Зубрилы, когда он услышал про брата Полины. Вот только ее собственная ноша теперь казалась еще тяжелее. Саша оглядилась вокруг. Сквер заметно опустел. И лишь вороны снова заняли свои насиженные места. Мерзнуть здесь одной стало совсем неуютно: когда друзья и знакомые разбегаются от нее в разные стороны, унося свои истории подальше от этого мрачного места. Мигом вскочив с лавки, Саша застучала, затопала ногами, согревая их, избавляясь от ледяной хватки зимы. Школьная сумка выпрыгнула из замерзших рук и упала, рассыпав содержимое по снегу. Ручки, тетради, зеркальце, тушь, помада калейдоскопом разлеглись по свежему насту. Непослушными пальцами Саша собирала свои вещи, и они тоже казались ей предателями. Эти безделушки не отпускали из сквера, крали лишние минуты, удерживая здесь – в сетях ползущего между деревьев холода. В Сашиных руках захрустела бумага, и она достала из снега толстую тетрадь в кожаной обложке. Страницки пестрели вклеенными вырезками из журналов, рисунками, фотографиями и неровными строчками: узкими, как ниточки, или широкими, точно узловатая вязка шарфа. Это был Сашин дневник – муравейник букв, мыслей, истин. Но вчерашняя правда обернулась сегодняшним обманом. Вот она с папой и мамой в Турции: все улыбаются, а на Сашиной голове десятки косичек. Будто и есть во всем мире лишь они трое и больше никого. А вот, в рамочке из сердец и кошачьих мордочек, тщательно выведенными ею слова, всего-то несколько строк. Саша аккуратно переписала их в свой дневник из телефона, хотя это сообщение от Никиты она давно помнила наизусть: «Сегодня возле школы я встретил уличного кота и почему-то подумал – этот бедняга никогда не видел Сашу! Пришло подобрать его. Теперь мы вместе с нетерпением ждем встречи с тобой…»

Страницы продолжали мелькать: вот смеется Дэниел Редклифф, а вот – Роберт Паттинсон, но их улыбки поймала в паутину зима. Здесь все было ложью! И каждый белозубый оскал откусывал былое счастье, как кусок от праздничного пирога. Захлопнув тяжелую обложку, Саша со всего маху запустила дневник в сугроб. Тетрадь врезалась в снег углом и начала потихоньку проваливаться: сначала утонула наполовину, а потом над глыбой снега остался лишь маленький парус – треугольник обманутой радости. Затем и он полностью погрузился во мрак колючей белизны. Но вместо облегчения Саша почему-то ощутила, как из сквера ушло последнее тепло…

И тут в ее кармане запрыгал мобильный. Словно вырывая из мрачных мыслей, он напоминал о настоящем. Телефон вибрировал и напевал веселую песенку, Саша вынула его из кармана. С экрана ей улыбалась Людка Полетаева. «Только ее сейчас не хватало, – подумала Саша. – Опять начнет к себе зазывать, чтобы я любовалась, как они с Лавровым милуются – фи!» Телефон все пел, а Саша всерьез намеревалась сбросить вызов, но в последний момент со вздохом ответила:

– Да?

– Ша-ра, – голосила Людка, – ба-но-ваааа! Ууу…

Полетаева завывала, как сирена. Слов было почти не разобрать.

– Что там у тебя? – испугалась Саша.

– Приходи-и-и, – пищала Людка. – Расскажу-у-у…

– Сейчас буду.

Саша уже спешила к дому подруги. Людка всегда была сдержанной и спокойной, даже расчетливой. Казалось, будто она любую ситуацию видит насквозь, и многое может предугадать. Неужели Макс чем-то расстроил или обидел ее? Да еще так сильно, что Полетаева скатилась до настоящей истерики. Все, что еще недавно казалось Саше неизменным, вдруг искажалось. Занудный Зубрила оказался настоящим Отелло, а умеющая держать себя в руках Людка сейчас плакала дома, как ребенок. И теперь Саша начала думать, будто она заразилась дома какой-то невиданной болезнью, меняющей все вокруг. И теперь эпидемия неизбежна. Все, кто оказывается с ней рядом, молниеносно становятся другими, практически неузнаваемыми. Даже родной город теперь выглядел чужим. И Саша уже не была уверена, что в знакомом дворе найдет Людкин дом, а в нем – нужные этаж и квартиру. Но, к великому облегчению, все осталось на своих местах. Обитую рыжей кожей дверь Полетаевых Саша узнала сразу. И тут же, по звонку, на лестничную площадку высунулась Людкина мама.

– А, Саша, – устало кивнула она. – Заходи. Может, хоть ты втолкуешь Людке, что нужно доверять собственной матери…

Саша даже опешила. Меньше всего она сейчас ощущала в себе силу доказывать кому-то, что надо слушаться родителей. И уж тем более – маму. Уже в коридоре были слышны приглушенные стенания Полетаевой.

– Людка, выходи! – крикнула ее мать. – Саша пришла.

Из-за двери дальней комнаты послышалось неясное злобное бормотание. Никто не вышел встречать Сашу. Но замок щелкнул – Полетаева давала понять, что впустит подругу к себе.

– Заперлась! – отмахнулась мать. – То бежать за этим хулиганом Лавровым хотела. А как я не пустила, так заперлась, чертовка! Ну что ты с ней будешь делать?

– Может, поговорить? – Саша встала босыми ногами на плиточный пол.

– Поговори, поговори, – закивала Людкина мама, подсовывая Саше тапочки. – Ты девочка серьезная. На собраниях в школе о тебе всегда хорошо отзываются. Поговори…

Саша послушно проскочила в узкую щель, которую предоставила ей щедрая Людка. По полу в комнате валялись елочные игрушки, книги, журналы.

– Что здесь произошло? – удивленно оглядывалась Саша.

Она привыкла видеть вещи подруги в полном порядке. Людка была отчасти педанткой и вечно раскладывала все по местам. Сейчас жеказалось, будто по комнате прошелся настоящий вихрь. Да и Полетаева не была похожа на себя. Лицо ее сморщилось, волосы растрепались. Из глаз текли слезы, и Людка нещадно размазывала по щекам свою дорогую водостойкую тушь.

– Ма-мааа! – взмыла Полетаева.

И тут же навалилась на дверь, в которую попыталась проникнуть на зов ее родительница. Людка снова щелкнула замком.

– Мама, – зашептала она. – Моего Макса выгнала! И запретила мне с ним встречаться! Представляешь??!

Людка начала пинать ногами разбросанные игрушки, а один елочный шар даже запустила под кровать. И Саша почему-то подумала, что тот угодил лисице прямо в пасть.

– Все из-за прошедшего родительского собрания! – продолжала шипеть Людка. – Оказывается, на нем Макса ругали. Типа, хулиганит, уроки срывает… А он же все это из-за меня! Ну, ты же знаешь…

— Так ты маме все и объясни! — вставила Саша.

Выходило, что поступок Макса, который казался ей почти рыцарским, можно было расценить совершенно по-другому.

— Поди ей объясни! — Людка кинула злобный взор на дверь. — Говорит, что он мне не пара. Слышать ничего не хочет.

— А что Макс? — спросила Саша.

Людка лишь махнула рукой и поднесла к носу салфетку.

— Обиделся! — хлюпала Полетаева. — Сначала думал как-то отшутиться. А мама еще больше разозлилась. Даже накричала на него. Тогда он взял и ушел. Представляешь, на меня и не глянул! Дверью хлопнул...

— Все наладится, не переживай, — успокаивала подругу Саша. — Макс отходчивый, а твоя мама просто обязана все понять!

— Наверное, она так и родилась взрослой теткой, — в газах Людки зажглась злость. — Не понимает меня совсем, будто никогда не была подростком. Ну невозможно думать только об уроках и домашних заданиях! И друзей выбирать себе по четвертным оценкам! Неужели она верит, что такое бывает?..

Саша пожала плечами. Что творится в головах у мам, ей сейчас было совершенно непонятно. И о том, какими они были в детстве, знало только их прошлое. И, надо сказать, хранило эту тайну очень ревностно.

— Макс больше не станет со мной встречаться! Я уверена! — рыдала Людка. — Кому понравится, чтобы его отчитывали чужие мамаши, как маленького и глупенького...

— Хочешь, я попробую поговорить с твоей мамой? — робко спросила Саша.

И сама испугалась этого предложения. Но Людка тут же перестала плакать. На миг Саше даже показалось, будто весь этот концерт был разыгран с одной целью — добиться помощи в убеждении мамы.

— Поговори, Шурочка, ну пожалуйста! — закивала Полетаева. — Тебя мама послушает. Ты всегда такая правильная, серьезная. Хорошему меня учишь: она сама так говорит...

Саше стало не по себе. Если Людка называла ее «Шурочкой», ясно было одно — от ее просьб теперь не отделаться.

— Сделаю, что смогу.

В коридоре пахло жареным. Саша осторожно прошла на кухню, где Людкина мама готовила ужин. Брызги летели от плиты во все стороны, на сковороде что-то шипело и корчилось.

— Ну как там? — Людкина мама с надеждой глянула на Сашу.

— Переживает...

— Конечно, переживает! Еще бы не переживать: связалась с каким-то нахалом. Он мне еще дверьми будет хлопать...

— На самом деле Макс неплохой парень, — робко вставила Саша. — Шахматами увлекается...

— Пусть чем угодно увлекается, только не моей дочерью. — Тут Людкина мать с подозрением посмотрела Саше в лицо. — Уж не защищать ли свою подружку ты сюда пришла?

Саша попятилась, а на нее уже сыпался шквал обвинений:

— Я-то думала, ты девочка неглупая! Но простых вещей, выходит, не понимаешь. Покажи вам только плохого мальчика — про все на свете забываете. Мать родная вам врагом становится...

— Не трогай Сашку! — выскоцила в коридор Люда. — Меня довела, Макса довела, теперь за Шарабанову!..

В квартире на миг повисла тишина. Саша потихоньку отступала к входной двери. И вдруг лицо Людкиной мамы каким-то странным образом изменилось:казалось, она вот-вот чихнет. Но вместо этого ринулась по коридору, отпихивая в стороны дочь и Сашу, и закрылась в ванной

комнате. Из-за двери раздался шум воды, а еще какие-то непонятные звуки. Людкина мама рыдала.

– Иди уже, – тихо сказала Полетаева.

И Саша, кое-как нацепив верхнюю одежду, выскочила из квартиры. Она осмотрелась по сторонам. Двери, двери, двери. И за каждой, наверное, живут непонимание, обиды и боль. Не дожидаясь лифта, прямо по лестнице, Саша ринулась вниз. Ей хотелось надышаться свежим воздухом: вдохнуть его как можно глубже, чтобы внутри места не осталось для комка жалости ко всем людям. Только что она лоб в лоб столкнулась с чужой мамой, которая не хотела слушать никого кроме себя. Возможно, ей в глаз тоже попал осколок зеркала злого тролля? И теперь все казалось не таким, как есть на самом деле: веселый и открытый Макс стал отъявленным хулиганом. Да и сама Саша превратилась из тихой и серьезной девочки в какую-то глупышку, думающую только о плохих мальчиках. Подъезд распахнул свою скрипучую дверь. На улице заметно похолодало, и Саша поспешно застегнулась, пока ветер не пробрал ее до костей. Людкин двор всегда казался неприветливым: ржавые качели, а чуть дальше – заброшенный пустырь, на котором до сих пор не удосужились построить нормальную детскую площадку. Сейчас здесь было особенно неуютно. Возле подъезда торчал слепой фонарь. И больше никого: как-то необыкновенно пусто для Москвы. Саша вжалась голову в плечи, огляделась. Сумерки сгущались. Снег посерел, и небо накололо тучи на ветви голых деревьев, чьи изломанные силуэты, стражи зимы, сделали двор похожим на черные сети. А за шершавыми стволами будто бы шевелился живой страх...

С детства Саша боялась темноты. Оставшись на ночь в комнате одна, она будто бы слышала, как пылесос-мрак шипит, всасывая в свое бездонное пузо последние отблески уходящего вечера: огни фонарей, стучавшие в окно, теплую золотистую полосу света под дверью. Он лентой утягивал ее в свой хобот, переваривал и рождал новые темные сущности. Тогда стул с одеждой превращался в незваного гостя, неестественно вывернувшего ноги и свесившего бессильные руки. А за зеркалом шкафа дышали в этот мир тени прошлого. Самое страшное было увидеть в нем свое отражение – белизна лица и впадины глаз казались убежищем демона. Собственное тело переставало быть родным и уютным, оно таило что-то неизведенное и пугающее. Когда же пылесос втягивал последние блики света, чернота овладевала миром: проглатывая сначала изломанного незнакомца на стуле, потом – зеркало, а затем – саму Сашу, которая больше не видела своих ног и рук. Даже сердце замирало, покорившись мраку. Мир исчезал, оборачиваясь пустотой. Смотреть в нее было ужасно. Не находящий опору взор переставал существовать. Это было похоже на... живую смерть. Тогда Саша зажмуривала глаза, чтобы оправдать их слепоту, и на ощупь искала выключатель. Загорался свет, Саша открывала глаза: сердце вновь стучало, на стуле буднично висела одежда, а зеркало отражало целый мир маленькой комнаты, укравшей у ночи одну лампу яркой, видимой жизни.

Теперь, посреди пустынного двора, Сашин страх мрака будто бы обрел сущность и преследовал ее повсюду: он таился за деревьями, шелестел между крыльями горластых ворон, тянул свои морозные щупальца к ее ногам. Вот-вот ухватит, скует, завладеет и уже больше никогда не отпустит. И тогда Саша вдруг побежала, а над ее головой загорались скучным светом отмороженные фонари, которых не боялись даже вороны. Саша летела, и дорога выскользывала у нее из-под ног и неслась вперед. Туда, где таял день. И весь мир будто бы катил вперед, а Саша изо всех сил бежала назад, проваливаясь в пучину надвигающейся тьмы. От фонаря до фонаря, чтобы отышаться и продолжить бег. Безлюдная дорога лишь изредка рождала прохожих, но и они выглядели, точно слуги мрака. Их лица сковал мороз, губы мертвой ниткой прилипли к зубам, глаза казались слепыми – они не замечали ничего вокруг. Горожане скользили мимо, все – в черных пальто, куртках, шубах, мыслях...

– Который час? – спросила одна маска лица, расстегивая молнию рта.

Саша, не останавливаясь, взглянула на часы – стрелки стояли.

В то время, как она бежала от темноты, а темнота гналась за нею – все вокруг неслось с кажущейся немыслимой скоростью. Часы замерли, превратив эту гонку в нескончаемый миг...

Глава третья Домой!

Саша бежала и почему-то думала о простом карандаше. Иногда она зажимала его между пальцами, разглядывая высеченные буквы «тм», и начинала раскачивать: сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Длинные концы, как качели, мелькали: вверх-вниз. Дерево становилось точно пластилиновым, гибким, а потом и вовсе исчезало. Глаз уже не успевал ловить движения карандаша. Он был и одновременно – его не было.

– Саша, что ты делаешь? – удивлялся папа забавам дочери.

Тогда она останавливалась карандаш между пальцами, и тот словно появлялся обратно из небытия – как живой.

– Создаю карандаш, – гордо отвечала она.

Часы стояли. А Саша все еще продолжала бег и чувствовала себя, точно невидимый карандаш, замерший в быстроте вращения. Она была, и в то же время – ее не было.

И вдруг кто-то за спиной ответил белой маске:

– Без четверти шесть.

И жизнь снова понеслась, завертелась: заскрипели невидимые шестеренки внутри часового механизма земли, и она закрутила над собой снежные вихри, а вечер покатился в пасть ночи. И снова от фонаря до фонаря Саша спешила к дому.

Еще днем, когда она бежала по улицам, ей казалось, что город утонул в стакане молока – все вокруг было белым и мокрым, и путь домой смыло снежным потоком. «Как можно возвращаться туда, где за скрипучими дверцами старых шкафов хранились вечно молодые тайны? – думала она. – Туда, где казавшиеся каменными ценности – честность, искренность, откровенность, вдруг рухнули, разлетелись прахом?» Но, как ни удивительно, сейчас, возле заброшенного пустыря, Сашу влекло лишь одно тепло – тепло ее дома. Другого у нее все равно не было. Лишь бы добежать туда, а уже потом, забравшись под тяжелое ватное одеяло, согрев комнату светом ночника, она еще раз все обдумает. И тогда, возможно, новое утро принесет новую правду. Правду завтрашнего дня.

Саша добежала до следующего фонаря: еще два и – конец страха и тьмы. Там, за двумя фонарями – яркий свет окон и рекламных вывесок. Там – смех и перебор гитары. Там – жизнь. Там – дом. И вдруг следующий фонарь замигал блеклым глазом и... потух. Промежуток тьмы до спасительного острова живого света стал в два раза длиннее – метров двадцать, не меньше. Казалось бы, что такого? Бегом это расстояние можно преодолеть за пару минут. Но Саше захотелось прилипнуть к фонарному столбу, рядом с которым она стояла, прорости в лоскуте его вялого свечения и забыть про окружающую тьму. Она дрожала, как испуганный заяц: все это вдруг напомнило ей одну историю, что рассказывал когда-то дед. Лето вплеталось в этот мрачный зимний день уже не в первый раз. Сейчас Саша уж видела вокруг не отмороженный город, а дачу папиных родителей: как она сидит на веранде за широким дубовым столом. Ноги еще не достают до пола, и она болтает ими так, что шлепки слетают со ступней. А вокруг шелестят березы, стрекочут цикады да ветер лениво перебирает длинную челку...

– Помню, ехал я как-то вечером с рыбалки: тут-то со мной и приключилась эта история...

Дед отхлебнул душистого мятного чая из толстостенной чашки. А бабушка лишь улыбнулась и положила внучке на блюдце крупный кусок домашнего яблочного пирога с корицей. Эту историю дед рассказывал частенько, но семилетняя Саша готова была заглатывать ее каждый раз, как и бабушкин вкуснейший пирог – благодарно и жадно.

– Дорога там шла узкая, в одну полосу, – продолжал дед. – Две машины с трудом разъезжались, щекоча друг друга боками. А по сторонам стояли деревья: густо, ствол к стволу. Так вот, был поздний августовский вечер. Луна, Млечный Путь да фары моей жестяной старушки освещали полотно. И вдруг, волк его раздери, под колеса мне выскакивает заяц! Уши и ноги длинные, а тельце маленькое, как у котенка. Мечется он в свете фар: я – влево, и заяц – влево. Я – вправо, заяц – туда же. Боится сероухий выпрыгнуть из луча света и скакет перед колесами, а в лес – ни ногой...

Дед замолчал, откусил яблочного пирога и начал медленно пережевывать кусок.

– И что же дальше, деда? – в который раз с неизбыtnым любопытством переспрашивала Саша.

– Пришлось спасать, – причмокивая, отвечал дед. – С зайцами одна беда – как попадут в луч света, так не могут в сторону ступить. Пришлось остановиться и выключить фары. Посидел минутку, подождал в полной темноте. Потом потихоньку завел мотор, включил фары, а сероухого уже и след простыл, только хвостик за деревом и мелькнул – ушел счастливец в ночь.

Саша запустила ложку в смородиновое варенье, облизнула ее и счастливо улыбнулась.

– К папе с мамой, наверное, побежал.

– Или к деду с бабкой, – прищурился дед.

– А у зайцев есть бабушки и дедушки?

– Конечно, у всех есть, кто о них помнит...

Саша вздрогнула, мигом возвращаясь из детства. Теперь она снова была взрослой, испущанной и замерзшей. Клубочек пара сорвался с губ и повис в морозном воздухе. Этот клубок показался Саше похожим на зайчонка из дедушкиного рассказа – маленький и вроде бы уши торчат. Решимость взяла верх над страхом: она не станет стоять под фонарем, как загнанный в луч от фар заяц! Будто спасенный дедом зверек научил ее одной важной истине – иногда стоит войти во тьму, чтобы добраться туда, где свет.

Тогда Саша до боли закусила губу и побежала.

Шаг. Другой. Темнота сгущалась. Потухший фонарь будто насмехался – давай, беги сюда, девочка. Казалось, за ним притаилась чья-то тень. Саша представляла, как черный незнакомец выскочит из-за фонарного столба и утащит ее во мрак. А всего лишь в десяти метрах – там, где свет и смех, перебор гитары проглотит ее крик.

«Что это было, братан?» – спросит гитарист, прервав песню на полуслове.

«Не парься, чувак, играй! – ответят веселые голоса. – Это кричала ворона. Пой, братело!»

И снова польется музыка, и смех будет колыхать влажный декабрьский воздух. А она – Саша – пропадет в лапах черного человека.

Мрачный фонарный столб приближался. Еще несколько шагов, и она поравняется с ним.

Саша закрыла глаза и представила себя трусливым зайцем в тот момент, когда дед выключил фары – вокруг были темнота и свобода. А ноги тем временем продолжали жить своей жизнью, отбивая чечетку по льду дороги...

Вот и музыка поддержала зимний танец. Вот и смех подоспел. Саша открыла глаза. Пустырь остался за спиной, а перед ней, на освещенном светом фонареи и окон дворе, развлекалась группа веселых ребят. Одинокий столб замер позади, в лапах почерневшего пустыря. Незнакомца там не было. Никто не гнался за Сашей...

И вот уже мигает яркая вывеска магазина «Продукты». Вот искрится огнями наряженная елка. Вот – Сашин дом. Сашин подъезд. Сашина квартира...

– Где ты была? – взволнованный голос мамы.

– Гуляла.

И тепло. И запах курицы с рисом. И хруст папиной газеты. И его укоризненный взгляд.

– Гулена!

Дом был такой же, как прежде. Изменилась лишь Саша.

Теперь она знала тайну, которую эти стены хранили еще до ее рождения...

К великому удивлению, переживания и страхи никак не повлияли на Сашин аппетит. Сегодня она открыла еще одну важную истину – иногда организм бывает намного умнее, чем его хозяин. Казалось, о какой еде можно думать, когда вокруг творятся невиданные перемены? Но урчащий живот так и потянул Сашу на кухню. И тарелка молниеносно опустела. А по телу разлилось долгожданное тепло. На некоторое время Саше даже почудилось, будто ничего страшного не произошло: она сама надумала проблем, решить которые не так уж и сложно. Вот только что-то делать с набитым животом совсем не хотелось. Теперь Саша даже мечтала забыть обо всем и попробовать жить как раньше. Словно она ничего не знает, не видит, не слышит...

– Где ты витаешь? – спросил вдруг папа. – Александра, сегодня у тебя какой-то отсутствующий вид.

– Вид как вид, – пожала плечами Саша.

– Все в порядке? – Папа внимательно смотрел на нее.

– А у тебя? – Саша тоже пронзительно уставилась на отца. – Все в порядке?

Папа отложил газету, встал из-за стола и прошелся по кухне.

– Не в порядке, – сказал наконец он. – Дочь от меня что-то скрывает...

– А ты от дочери ничего не скрываешь? – наседала Саша.

Папа совсем растерялся.

– Что ты имеешь в виду? – Он будто нащупывал почву под ногами. – Скажи уже, что с тобой происходит?

– Что тут происходит? – В кухню ворвалась мама.

В руке у нее был зажат шипящий утюг, и пар от него шел во все стороны.

– Проходи, проходи, – посторонился папа. – Саша как раз ждет от нас каких-то горячих новостей. А сама отмалчивается, как партизанка.

Утюг опять выпустил пар, и мама на миг растаяла в нем. А когда появилась снова, лицо ее было сосредоточенным и немного растерянным.

– У тебя неприятности? – осторожно спросила она. – Что-то в школе?

– А если дома? – выпалила Саша.

Родители переглянулись. И вид у них был какой-то жалостливый и даже комичный. Будто они оба стоят на сцене перед полным залом и напрочь забыли слова своих ролей. И лишь утюг в маминой руке все пыхтел и пыхтел. Выносить это стало невозможно. И Саша вдруг выкрикнула:

– Дома у Людки! Ее мамаша Макса выгнала и запретила им встречаться. Да еще на меня собак спустила, когда я попыталась Лаврова защитить...

И сразу стало видно, как родители расслабились: слова ролей снова заиграли на губах.

– Максим вроде неплохой мальчик, – говорила мама. – Правда, урок недавно сорвал – на собрании жаловались...

– Парень и должен быть хулиганом! – вмешался папа. – Все эти маменькины сынки сплошные нюни...

– А вот Людкина мама этого не понимает, – сказала Саша. – Бывает же так, что родные мать и дочь не могут найти общий язык?

Теперь Саша смотрела прямиком на маму и продолжала:

– Вот я бы обязательно постаралась понять тебя...

Но мама уже бежала из кухни. Она услышала, что проблемы дочери связаны с любовной историей подруги, и на первый план снова вышли неглаженные рубашки и галстуки.

– Спасибо, доченька! – кричала она из коридора. – Я тоже постараюсь не выгонять из дома твоих Максимов...

– Да нет у меня никаких Максимов, – расстроенно прошептала под нос Саша. – Нужны они мне...

– А это ты зря, – иронизировал папа. – У девочки в своем возрасте обязательно должны быть кавалеры. Ну если не получается найти стоящего хулигана, соглашайся хоть на отличника. Тут главное, чтобы для начала появился хоть один, а за ним и другие подтянутся. Учись, дочь, таков закон. Либо пусто, либо густо...

Саша в сердцах махнула на папу рукой: лезет вечно не в свое дело! Да еще с какими-то издевательскими советами. Пришлоось немедленно сбегать с кухни, пока отец окончательно не разошелся.

– Да не обижайся ты! – смеялся папа. – Шучу я...

Но Саше сейчас было не до шуток. Она скрылась в своей комнате и захлопнула дверь. Будто в этих четырех стенах был зажат последний островок нетронутой чистоты и радости. И снова где-то внутри засосало – забудь обо всем! Родители не хотят открывать правду, так пусть она спит себе... хотя бы до весны... А уж там непременно станет легче! И тут она услышала, как родители в соседней комнате о чем-то перешептываются, точно две змеи. Нет! Прежней жизни уже не было. И пусть даже они говорили о чем-то невинном: быть может, обменивались нежными словами или тихонько перешучивались, но Саше везде мерещились все новые и новые тайны, которые хранят от нее, позволяя лишь тонким змеиным языкам правды просачиваться через дверные щели...

Аккуратная комната, похожая скорее на детскую, чем девичью, обступала Сашу со всех сторон. Обои с забавными зверушками, кружевные занавески. Напоминающий зеленый газон ворсистый ковер. На тумбочке под зеркалом не было лаков для ногтей, теней и помад. Здесь выстроились маленькие куколки и забавные глиняные фигурки. Свой нехитрый набор косметики Саша всегда носила с собой в школьной сумке, скорее для того, чтобы не отставать от подруг. И тушь, наверное, уже давно засохла в новом глянцевом флакончике. Конечно, в игрушки Саша уже не играла, и в комнате хотели сделать ремонт. Но все никак не доходили руки, а может, всем было немного грустно расставаться с теплыми и сочными цветами, которые буквально впитались в стены. Эта комната напоминала старенькое любимое платье, втиснуться в которое уже очень сложно, но так хочется!

И вдруг дверь задрожала: кто-то колотил по ней снаружи, а Саша снова витала где-то в детстве.

– Можно войти? – Не дожидаясь ответа, мама распахнула дверь.

Саше ничего не оставалось, как разрешить ворваться в свою комнату.

– Не обижайся на отца, – успокаивала мама. – Ты же его знаешь, еще тот шутник! Не нужны тебе сейчас мальчики – и не надо. Успеется! Куда торопиться...

– А ты когда начала встречаться с ребятами? – Саша решила воспользоваться моментом и выпытать у мамы хоть частицу тайны.

– И не помню уже, – мама задумалась, а потом рассмеялась. – Впервые влюбилась еще в детском саду. Мальчишка был задиристый и как-то в прах разметал мой песочный замок. С тех пор любовь к нему как рукой сняло...

– А если серьезно? – подбиралась к волнующему ее вопросу Саша. – Когда ты впервые по-настоящему влюбилась?

Между бровей залегла морщинка: мама изображала, будто что-то вспоминает. Но Саша понимала, она думает лишь об одном – почему дочь задает такие вопросы?

– Ну, была история в школьные годы, – уклончиво ответила она. – Хотя настоящая любовь пришла, когда я встретила своего отца. Я так думаю...

Мама была сосредоточена и взвешивала каждое слово.

– Расскажи про свою любовь в школьные годы! – Саша даже схватила ее за руку.

– Обязательно расскажу, только не сейчас, – тихо, но твердо ответила мама и тут же перевела тему: – Тебе кто-то нравится в школе? Ты ведь придумала, что тебя тревожат Люда с Максимом! А на самом деле в кого-то влюбилась? Да?

– Ни в кого в школе я не влюбилась! – отстранилась Саша.

– Ну поговори со мной, – просила мама. – Может, что-нибудь посоветую…

Саша даже взбесилась, не понимая, почему она должна обо всем докладывать маме, когда в ответ не получает и капли откровенности?

– Только после тебя, – сухо ответила она, бросив колючий взгляд, и по-детски обиженно добавила: – Я первая спросила!

Мама вздохнула.

– С тобой сегодня невозможно разговаривать! Кусаешься. Мы вернемся к этому разговору, когда ты станешь вести себя спокойнее…

Пройдя по комнате, мама по привычке поправила какие-то вещи, проверила, закрыта ли форточка, задвинула крепче шторы. Она попыталась приобнять дочь, чтобы как-то снять напряжение, но Саша резко вырвалась. Сейчас ей не хотелось телячьих нежностей. Маме нужно было лишь сказать правду, пусть и жесткую, прямую, без зализывания углов и шероховатостей. Но куда проще спрятать беспорядок за дверцами шкафов, чтобы никто не увидел вещи скомканными и грязными, чем раскладывать их по полочкам долго и терпеливо.

– Ну ладно, отдохтай, приходи в себя! – Мама чмокнула Сашу в челку.

И вышла за дверь. Саша опять осталась одна. Она одновременно сердилась на себя и на маму. Стоящего разговора не вышло, а так хотелось какой-то ясности. Очевидно, в семейные секреты ее никто посвящать не собирался. Мама закрывалась, как ракушка, стоило Саше лишь чуть-чуть коснуться темы ее юности. А выложить начистоту, что утром она подслушала родительский разговор, у Саши просто не хватило духу. Все это время где-то в глубине души она продолжала надеяться, что все наладится как-нибудь само собой. Жизнь же требовала самостоятельных действий, к чему Саша по натуре была не склонна. И очень сложно давалась ей сейчас эта внутренняя борьба, когда нужно было выбирать: жить дальше, закрыв глаза, или целенаправленно двигаться вперед. Исскать ответы, а еще точнее – учиться задавать вопросы.

Глава четвертая Неожиданное решение

Ленивый рассвет почесывал стекла московских окон. Всем известно: декабрь самый темный месяц в году. Дни стали так коротки, что утро наступало к обеду, а вечер начинался сразу после полдника. Всего несколько часов в сутки можно было радоваться солнцу, да и оно чаще дремало за облаками и лишь изредка прохаживалось солнечными лучами по городу. Нехотя просыпаясь, расправляя небо над Москвой, наступала новая жизнь нового дня.

Саша ворочалась в постели, а та поскрипывала всеми своими досточками, будто разминяя ножки и распрямляя спинку.

– К инвентаризации организма приступить! – шепнула сама себе Саша.

Она пошевелила по очереди пальцами ног, потом согнула колени, снова распрымила. Глубоко вдохнула, выдохнула. Ноги, живот, спина – все на месте. Теперь пальцы рук: мизинец, средний, безымянный, указательный, большой. Есть контакт, хоть фиги складывай! Саша поморгала глазами, нахмурила брови, сморщила нос…

Вот, лежишь ты в кровати, отделяя сон от яви, как белок от желтка, и каждая часть тела двигается, живет. Только уши, как ни стараешься, сидят смирно, не шелохнутся. Есть они или нет их вовсе, так запросто и не понять. Можно лежать и представлять, что просыпаешься совсем без ушей. Это было забавно и немного странно.

– Поднимайся, соня! – В комнату заглянул папа.

– Зачем же так кричать? – Саша зажала уши руками – вот они – на месте!

Инвентаризация закончена.

Пора вставать.

Когда ждешь больших неприятностей, обычно все обходится, но сегодня явно был не тот случай…

За завтраком мама взглянула на календарь, улыбнулась и сказала:

– Последние дни зимы – и все! Для нас Новый год наступит летом. Пора паковать чемоданы!

Саша уронила бутерброд, он упал маслом кверху. И в тот же миг все почему-то встало на свои места.

– Я никуда не полечу, – отрезала она.

Папа чихнул.

– Как это понимать? – Мама не знала, смеяться ей или сердиться.

Около недели назад на семейном совете было единогласно решено, что в новогодние каникулы они вместе с Криштафовичами летят на Гоа. У Криштафовичей есть дочь – Сашинна погодка, и они часто отдыхают вместе. Всегда дружно и весело.

– Александра, в чем дело? – миролюбиво переспросил папа, нехотя отрываясь от выпуска новостей.

Сейчас Саша понимала лишь одно – рядом с родителями ее будет по-прежнему окружать ложь. И поездка превратится в сплошное мучение. Признаваться же в подслушивании Саше пока совсем не хотелось, а еще страшнее было услышать новые отговорки. Судя по вчерашнему разговору с мамой, посвящать ее в семейные тайны никто не собирался. Очевидно, что ей придется во всем разобраться самой.

– Мне нужно остаться, – Саша уперла твердый взгляд в папину переносицу, так как в глаза посмотреть боялась. – Это очень важно!

Повисла недолгая пауза, за время которой папа преспокойно отхлебнул кофе и позволил напитку опуститься до желудка.

— Ладно, оставайся, мы бабулю Криштафович вместо тебя возьмем, — неожиданно легко согласился он. — Старушка, насколько я знаю, давно мечтала побывать в Индии, еще в хипповых шестидесятых, но «железный занавес» тогда был крепок, а потом у нее пошли Криштафовичи — мал мала меньше...

В то время как папа иронизировал, мамины глаза расширились, чуть ли не в два яйца, потом сузились в прорези для пуговиц, а затем она уже смогла говорить:

— Шарабанов! Ты в своем уме? — Она одновременно всплеснула руками и чаем. — Как «оставайся»? Где «оставайся»? С кем «оставайся»?

— Так у нас тоже родители есть, — лениво пожал плечами папа. — Если ребенок не хочет лететь, то почему я должен выкладывать за это нежелание кругленькую сумму? Отдадим Сашкин билет Криштафовичам, пусть их бодрая старушка погреет свои косточки на закате зрелости. На нее как раз горячей путевки не хватило.

Папа вынес вердикт и снова уставился в телевизор, где в новостях городские власти удивлялись, что зимой случаются снежные заносы.

— Да! Я хочу к бабушке в Истру! — не давая маме опомниться, воскликнула Саша.

— Это какой-то дурдом! — мама приложила ладонь ко лбу. — Саша, а как же мы?

— А мы в пролете, — папа отхлебнул еще кофе, опустил чашку на стол и, раскинув руки, изобразил самолет.

Воспользовавшись моментом, пока мама ставила папу «на крыло», а проще — повисла у него на руке в бессильной ярости, Саша смылась в свою комнату. В такие минуты она думала, что в отдельно взятых московских квартирах и зимой бывают грозы. Мама что-то кричала про избалованность, дурь, шлею и хвост. Папу слышно не было. Потом не стало слышно и маму. Из кухни доносились странные звуки: как будто одновременно гудели трубы, скрипели двери и текла вода из крана. На самом деле это плакала мама. Затем послышался папин голос. Глухо, как из другого мира, донеслось: «взрослая девочка», «свобода» и «выпор». Хотя, наверное, это был «выбор».

Саша засунула в уши плеер, и отголоски скандала потонули в «Норвежском лесу» Битлз. Пришедшее будто само собой решение поехать на каникулы в Истру теперь казалось единственным спасением. Саша чувствовала всем своим существом: от кончиков пальцев ног, до мочек найденных по утру ушей: «Будь там!»

Этой зимой ей предстоит открыть для себя не жаркую землю Индии и Аравийское море, а знакомый с детства город знакомых с детства людей...

До самого вечера Саша почти не выходила из своей комнаты, изображая, будто занята уроками. Мама с папой не тревожили ее, скорее всего надеясь, что дочь образумится, придет в себя и передумает. Несколько раз Саша слышала, как мама застыла возле двери, не решаясь зайти. А потом они с папой уходили в свою комнату и опять о чем-то шептались, шептались... шептались...

В понедельник Саша впервые после выходного увидела Людку — непривычно бледную и молчаливую. И все же пришлось еще больше расстроить подругу, сказав, чтобы та не ждала сувениров из Индии.

— Ты двинулась, Шарабанова? — Людка была ошеломлена решением подруги. — Променять Гоа на какую-то глушь!

— Вопрос не обсуждается, — отрезала Саша.

В такие моменты Людка понимала, что спорить с подругой или что-то выпытывать не имеет смысла. Обычно мягкая и податливая, Саша порой делала каменное лицо, упиралась как баран, и тогда хоть потоп — не произнесет и звука.

— Любовь-морковь, — протянула фальцетом Людка, изобразив понимание вопроса.

Саша промолчала. Макс Лавров сегодня не пришел в школу, и затрагивать с Людкой тему любви было очень опасно. Глаза ее еще были красные, но внутри, очевидно, зрело что-то серьезное. Вид у Людки был решительный. Но куда-то исчезли доверчивая общительность и многословие. Полетаева переваривала внутри что-то важное и делиться этим пока не хотела. Наверное, теперь она впервые по-настоящему понимала Сашу, которая никогда не любила пустые разговоры о мальчишках, предпочитая все дорогое хранить поглубже: чтобы никто не задел, не ранил...

На последнем в этой четверти уроке литературы их классу предстояла встреча с интересной личностью. Учительница по русскому и литературе Анжелика Ивановна старалась творчески подходить к своим предметам и часто приглашала на уроки примечательных, на ее взгляд, людей. Обычно ими становились близкие или дальние родственники самих учащихся. А как-то раз Анжелика Ивановна даже позвала своего дядю — профессора, который битый час рассказывал о том, как важно нынче получать хорошее образование. В другой раз был зван отец двоичника Потапова — участковый. Он вешал о том, как необходимо прилежание. Саша совершенно забыла, кого же Анжелика Ивановна сочла достойным наставлять юное поколение в этот раз? И очень удивилась, когда увидела «круглую» Полину, которая ввела в класс сущего старичка на каталке. Старичку стукнуло, наверное, лет сто, и похож он был на вяленую плотву, только глаза такие живые, как будто вовсе не от этого обездвиженного тела. Рядом с Полиной стоял тощий ботаник, он услужливо помогал перемещать коляску — открывал двери, расчищал дорогу для проезда. Вслед за ними в класс вошел и коренастый спортсмен — брат Полины, он пожал ботанику руку, как старый знакомый, только что не расцеловал. Видимо, у Полины и Зубрилы все же нашлось время поговорить о семье. Наконец в класс зашла Анжелика Ивановна. Пошептавшись с Полиной, она кивнула старичку и, разрешив остаться Зубриле и Спортсмену, начала урок. На доске появились старые снимки, где молодой бравый боец стоял на своих ногах и улыбался всему классу. По живым черным глазам Саша узнала в солдате сущего старичка.

— Так о чем рассказывать? — неуверенно спросил он.

— Ну как же, о войне, о ваших подвигах! — раздухарилась Анжелика Ивановна. — О ваших орденах и наградах. Молодое поколение должно знать своих героев!

Старичок будто бы засмутился, начал жевать губы, и все в испуге затахли, боясь, что он не выдавит и слова, а рассыплется прямо на их глазах.

— На фронт я попал совсем еще мальчишкой, — начал было старичок.

И тут же почему-то стал рассказывать о том, где жил в довоенное время, на что надеялся, не ведая о наступлении войны. Голос его все крепчал, вслед за глазами ожили и руки. Он начал активно жестикулировать, рисуя в воздухе свою деревенскую хату, сад, проселочные дороги и холмы. Только Анжелика Ивановна будто бы торопила его взором: мол, скорее уже о подвигах, мирная жизнь — она всем и так понятна. Но старичок вдруг вспомнил о своем старшем брате. И начал рассказывать о том, какой тот был добрый, честный и веселый. Как не раз выручал его в трудные моменты. Сколько затей придумывал, что за игры у них были. И Саша заслушалась, будто бы переносясь в то время: она узнала про лапту, городки и другие развлечения довоенных ребят. Когда старик объяснял правила лапты, мальчишки начали кричать, что это настоящий бейсбол. И рассказали старичку про правила современной игры — он тоже заинтересовался.

— И что стало с вашим замечательным братом? — не выдержав такого длинного лирического отступления, спросила Анжелика Ивановна.

— Он погиб, — осекся на полуслове дед.

— На войне? В бою? — Глаза учительницы снова зажглись.

Но оказалось, что мальчишка, который здорово играл в лапту и был самым добрым, смелым, честным и веселым из тех, кого старичок встречал за всю свою жизнь, просто-напросто разбился, неудачно упав с велосипеда в глубокий овраг.

– На второй день после пропажи его нашли в овраге, он как будто тихо спал в траве среди камней. – Старичок сморкнулся в полосатый тряпочный платок, который достал из кармана. – Мужики несли его через наш двор, и мой старший брат выглядел всего лишь смешной тряпичной куклой, свесившей руки. На нем была цветастая рубаха, которую я часто брал у него поносить. Рубаха вся изодралась, но я бежал за мужиками и почему-то не переставая просил отдать ее мне. Мужики отмахивались, а потом решили, что иначе от меня не отделяются, и швырнули эту рубаху, как нищему. Я прижал ее к себе изо всех сил и еще долго потом не хотел выпускать из рук. С тех пор я храню ее, и это все, что осталось у меня от старшего брата…

– Но как же война? – Анжелика Ивановна была очень расстроена, что не вышло рассказать о геройском подвиге.

– А назавтра началась война, – сказал дед и снова замер, опустив руки на поручни коляски, и будто бы задремал.

До конца урока Полина зачитывала реферат о своем прадеде, и Анжелика Ивановна слушала ее с горящими глазами, демонстрируя в каждом нужном месте дедовские медали и ордена. Но Сашу не интересовал реферат. Перед ее глазами все еще стоял мальчишка с живыми карими глазами, который прижимал к груди старую изодранную рубаху…

Когда урок закончился и Полина повезла спящего прадеда из класса, Саша подошла к старику, зачем-то потрогала его сухую руку и сказала:

– Спасибо большое! Мне очень понравился ваш рассказ!

Старичок вдруг встрепенулся, открыл глаза и закивал.

– Думаю, вам очень повезло иметь такого брата! – добавила Саша.

Старичок снова начал жевать губы, а потом широко улыбнулся. Он будто бы хотел что-то ответить, но Полина развернула коляску и повезла его домой. А Саша уже твердо знала, что утром приняла верное решение. И каждое новое событие будто подталкивало ее вперед – к разгадке семейной тайны…

Вечером в Сашину комнату заглянула мама. Она устало присела на угол кровати и долго молчала. Саша отложила книгу, вынула плеер из ушей.

– Ты уверена, что все еще хочешь в Истру? – тихо спросила мама. – Не передумала?

– Уверена.

У Саши возникло очень странное ощущение – с одной стороны, мама сидела рядом, и все было как обычно, даже захотелось обнять ее, до того грустные были мамины глаза. Но в то же время за родной оболочкой скрывался незнакомый человек. И о той женщине, что пряталась в глубине этих грустных глаз, Саша ровным счетом ничего не знала. Это было такое ощущение, будто заглядываешь в зеркало и видишь там незнакомое лицо. И Саше опять стало очень одиноко…

– Это из-за того мальчика, с которым ты встречалась прошлым летом? – спросила мама, попытавшись погладить отмахивающуюся Сашу по голове.

– Возможно, – ответила Саша и, почувствовав резь в горле, сделала вид, что зевает.

Мама не знала подробностей ее летних переживаний: Саша была скрытной даже с родителями, особенно, когда дело касалось чувств. И сейчас лишний раз доказывала это.

– Ладно. Я позвоню бабушке и Катюше, чтоб следили за тобой в четыре глаза. – Мама все же погладила Сашу по волосам и с тревогой добавила: – а может, нам тоже лучше остаться?

– Нет! – Саша чуть не подпрыгнула на кровати. – Летите, голуби, летите!

Единственным ее желанием было оказаться подальше от родителей. Саша знала, что именно Истра хранит разгадку семейной тайны. Название городка, где родилась мама, не раз

звучало в разговоре за дверью родительской спальни. Пусть мама и папа летят в Индию, так они точно не смогут помешать ей докопаться до правды. Саша снова раскрыла книгу, всем своим видом показывая – разговор закончен.

Мама покачала головой, вздохнула и недовольно пробурчала:

– Эх, моя бы воля – приковала бы тебя к себе наручниками. – Она потерла запястья, а потом вдруг развела руки в приветственном жесте. – Переходный возраст – здравствуй!

– Теща на проводе! – крикнул из кухни пapa.

Мама вышла из комнаты, и Саша услышала ее телефонный разговор с бабушкой, а потом с тетей Катей.

Все решено – она едет на зимние каникулы в Истру и вывернет этот город наизнанку, но узнает то, что так долго скрывали от нее родители...

Глава пятая Истра

Дорога от Москвы до Истры – километров пятьдесят, не больше. Рядом несутся машины, а чуть дальше ползет лес. И мутное солнце перекатывается по нему, волоча на себе небо. Саша хорошо помнила эту дорогу ранним летом, когда склоны походили на клоунский наряд – зеленый в желтый горох одуванчиков. Деревья смыкали кроны, а небо было таким глубоким, что в нем запросто тонули все проблемы и заботы...

Саша смотрела в окно, и ей казалось, что здесь, на полпути от одного города к другому, время сжалось, и лето слилось с зимой. Вроде только недавно Истра была так далека, что прошедший там ионь казался потерянным в прошлой жизни. Слuchaется, пихнешь денежку в карман и напрочь забываешь о ней. А она лежит без надобности неделю, месяц, год. И вот однажды засовываешь туда руку и нащупываешь монетку – надо же, оказывается, она всегда была рядом. Сейчас, под монотонное урчание мотора, Саша будто бы залезла в карман и обнаружила там завалившееся в дальний уголок лето. Полгода она носила его с собой, совершенно забыв о том, что оно так близко. И пусть поля вокруг занесены снегом, пусть тощие ветви деревьев укрыты инеем: лето спит здесь, дыша воспоминаниями и надеждами.

– Не передумала? – Папа расценил Сашину молчание, как сомнение.

– Нет! – Уверенность покалывала внутренности, точно утренний морозец схватывал щеки и нос.

Вдали мелькнули золотые купола Воскресенского собора. Не все знают, что в Подмосковье есть свой Иерусалим. С детства Саша бывала на территории монастыря так часто, что он казался ей неотделимым от русского пейзажа. И она очень удивилась, узнав, что монастырь построен по подобию «Святой земли» Израиля. Был здесь и березовый Гефсиманский сад. И даже – Силоамская купель. Святой источник выглядел как водопроводная труба, торчащая над грязной лужицей. Но к этому непривлекательному месту всегда стекалось множество людей с бутылочками или баллонами – каждый хотел унести с собой хоть каплю святой воды. Бабушка рассказывала, что даже речушку Истру когда-то переименовывали в Иордан. Трудно было представить их небольшую реку с тихим течением, носящей такое величественное название. И как же Саша смеялась, когда два года назад они с Криштафовичами побывали в Израиле. Легендарный Иордан оказался робким желтоводным ручьем, бегущим по дну неприметного оврага. Если бы не гид, никто не обратил бы на него должного внимания...

Теперь же река Истра – подмосковный Иордан, лежала подо льдом, а названный ее именем город Истра показывал первые крыши своих домов. Здесь родилась Сашина бабушка, а за ней мама и дядя Миша. Хотя бабушка родилась еще в Воскресенске – все вокруг меняло названия, но суть оставалась прежней. Город жил своей жизнью: наряду с новыми кирпичными и блочными постройками здесь липли друг к другу боками старенькие срубы.

Бабушка не хотела оставлять Истру, и ее можно было понять – родовое гнездо, старинные друзья, работа в местной библиотеке...

– Лучшее – враг хорошего, – обычно замечала она, всей душой вдыхая воздух своего детства.

Куда больше удивляло поведение Сашиного дяди Миши, который также вовсе не стремился в близкую и манящую столицу. Ритм мегаполиса казался ему слишком быстрым.

– Миш, почему бы тебе не устроиться в Москве? – спрашивала Сашина мама своего непутевого младшего брата. – Мы всегда поможем, если что – живи у нас сколько захочешь!

Тогда он рассеянно улыбался, пожимал плечами и смущенно отвечал:

– Когда в стиральную машинку забрасывают грязную одежду, и она полощется там, расставаясь с нажитым, мне это понятно. Но когда люди сами прыгают в этот крутящийся водоворот и вертятся, пока им не станет все по барабану, – такого я никак не возьму в толк.

Так они и жили в старом, отстоявшем войну доме на окраине Истры, рядом с городским парком, под светом куполов Воскресенского собора Нового Иерусалима.

Саша часто приезжала сюда. Летом на целый месяц, а то и на два – в то время, когда не гостила у папиных родителей. Нередко вся семья собиралась в Истре и на Новый год. Тогда созывали родственников, друзей, соседей – здесь всегда было тепло, душевно и весело.

Но Саша знала – этот Новый год будет не таким, как прежде. Каждый ребенок в какой-то момент вырастает из детских книжек. Теперь чудесный праздник открывался для нее не как старая сказка, а скорее как шаг во что-то новое – неизведанное. И Саше казалось, что она занесла ногу над пустотой, не зная, стоит ли над пропастю или впереди лишь маленький овраг. А ступить вперед боялась...

Тем временем за стеклом суетился небольшой городок: улицы виляли между домами, щербатые заборы сменяли кирпичную кладку, пока машина не затормозила, въезжая в знакомый двор. Дверь отворилась, и Саша наконец ступила ногой на заснеженную землю. Вот здесь ей и придется узнать, так ли велика пропасть-ложь, что рассекла ее жизнь на две части: ту, что она знала, и ту, которую от нее скрывали.

Метель, разгулявшаяся накануне, надела на крыши деревенских домов снежные шапки, отчего срубы стали походить на пломбир в стаканчиках. Вокруг попугаями расселись яркие кирпичные многоэтажки. Воздух был прозрачен и колок. Лысый лес, обступивший городок, подрагивал и словно плыл над оврагом. Папа достал из багажника Сашину сумку и пошел в дом. Дверь со скрипом отворилась, и в зиму проникли запахи домашних блинов и меда. Затем послышался родной голос. Саша поежилась, обняла руками плечи и побежала к дому. А в спину ей продолжали светить купола Воскресенского собора, между которыми завис блин солнца.

Бабушка суетилась вокруг гостей радостная и счастливая. Она старалась предугадать каждое их желание: подставляя меховые тапки, протягивая чистые хрустящие полотенца, пахнущие одновременно деревом и мылом.

– Смойте с себя городскую пыль! – приговаривала она. – Уж у нас сейчас надышитесь. Я тут по телевизору видела, что удумали: люди воздух из дальних стран в баночках привозят. Так от нас в столицу его нужно канистрами вывозить...

– Мать, за пятьдесят километров от Москвы разница в воздухе не так велика, – пожимал плечами папа.

– Да что ты говоришь! – возмущалась бабушка. – А ну выходи! А ну вдыхай!

И бабушка, забыв обо всем, выпихнула папу прямо во двор. Он стоял на крыльце в меховых тапках, а морозный ветер лез ему за ворот рубахи, проскакивал в закатанные по локоть и немного подмоченные водой рукава.

– Холодно! – смеялся он.

– Дыши! – настаивала бабушка.

Саша уже умылась и теперь тоже выглядывала на крыльцо, разгибая твердое, залежавшееся в шкафу полотенце. Воздух вокруг дома стоял невидимый. И будто бы неощутимый. В Москве, стоило выйти из дома, как сразу начинало чем-то пахнуть: тут сосед заводит машину, там что-то чинят, здесь что-то красят... Запахи рассказывали о жизни мегаполиса. Здесь же воздух хранил загадку.

– Чем пахнет? – спрашивала бабушка.

– Ничем, – удивлялся папа.

– Вот! – обрадовалась бабушка. – А это сейчас дорогостоят...

Папа засмеялся и обнял бабушку. Они возвращались в дом, а Саша все дышала и дышала, высунув нос на крыльце. И вдруг двор перед ее глазами поплыл, а папа с бабушкой затанцевали, закачались.

– Ой, голова кружится! – прошептала Саша.

– Это тебе кислород голову кружит. – Бабушка втолкнула ее в дом и закрыла дверь. – Вот поживешь здесь, подышишь нормальным воздухом, на человека станешь похожа. А то под глазами синячищи, щеки серые...

– А на Гоа могла бы шоколадкой стать, – подначивал папа.

– Нет в этом ничего полезного! – спорила бабушка. – Молодец, Саша, что отказалась лететь. А то придумали, менять зиму на лето посреди года. Не полезно это!..

Бабушка была сторонницей здорового образа жизни. Она не доверяла новым веяниям, а подчас и докторам. И вечно у нее в запасе были какие-то травы и самодельные мази. В семье к этому относились с иронией, но в споры старались не вступать. Отстаивая свою позицию, бабушка молодела на глазах и готова была убеждать собеседника бесконечно и самозабвенно. Вот и сейчас папа начал потихоньку передвигаться к столу, одновременно размышляя, как бы незаметно изменить тему.

– А где же Миша? – пришла ему на выручку Саша.

– А-а-а, – махнула рукой бабушка. – Задумал что-то: целыми днями его не видать...

Только сейчас Саша поняла, как сильно соскучилась по дяде. Несмотря на разницу в возрасте, порой им удавалось поговорить по душам. Быть может, и сейчас он придет на выручку? Поможет распутать этот клубок секретов и тайн, в который родители загнали ее, как гусеницу в куколку.

– Он знает, что ты приедешь. – Бабушка уже расставляла тарелки. – Так что скоро вернется. Да и не ел ничего с самого утра.

Бабушкины блины с медом, сгущенным молоком или сметаной Саша могла уплетать целыми днями: на завтрак, обед и ужин. И пусть тесто ложится лишними сантиметрами на бока – не важно. Да и кто заметит эти сантиметры? Тем более на Сашиных боках, которые никогда не были настолько идеальными, чтобы кто-тоглядел там свежий грамм. Это Людка каждую неделю начинала с того, что измеряла все свои размеры сантиметром и бежала перед завтраком к весам. Таким, как Полетаева, было дело до этих пресловутых граммов, и каждый лишний сантиметр мог нарушить совершенство. А к чему самоистязания, если никакие диеты не сделают из обычновенной девчонки рекламную красотку. В мире, где даже полненькая Полина нашла своего Зубрилу, бежать от лишнего веса Саше казалось ненужной тратой сил.

На некоторое время за столом повисло молчание. Папа тоже уплетал тещины блины за обе щеки.

– А что же вы маму с собой не взяли? – осторожно поинтересовалась бабушка. – Я думала, она с вами приедет. Хоть глазком на нас посмотреть...

– Вещи в Индию собирает, – скротоговоркой ответил папа. – Некогда ей.

Но Саше показалось, что бабушка с папой как-то слишком долго смотрели друг на друга. Будто между этими простыми словами застряло что-то сложное, невысказанное, но повисшее в воздухе и смирившее аппетит. Папа первым отвел взгляд, а бабушка лишь вздохнула.

– Жаль, жаль, – только и сказала она. – Ну ладно, что же делать, подождем...

Саше снова стало неуютно среди близких людей. И даже мед начал горчить от обиды: вокруг творилась параллельная жизнь, билет в которую ей почему-то не давали. Саша сидела за столом в родном доме и чувствовала себя чужаком, украдкой заглядывающим в незнакомые окна, чтобы прикоснуться к чьей-то скрытой за занавесками жизни. Отодвинув тарелку, Саша вышла на террасу и накинула бабушкину шубу.

– Ты куда? – одновременно глянули на нее папа и бабушка.

– Щасвернус, – отшутилась Саша, хотя ей было совсем не весело.

Ветер принес запах бензина: наверное, из Москвы. И Саша подумала о Людке, достала сотовый и выхватила ее номер из памяти. Некоторое время шли длинные гудки, но потом Полетаева отозвалась, неожиданно тихим и глуховатым голосом.

– Здорово, Шарабанова, – шуршал телефон.

– Я уже в Истре, – отчиталась Саша. – А ты там как? Помирились с Максимом?..

– Нет, – вздохнула Людка. – Он сегодня утром улетел в Доминикану.

– И что, даже не позвонил перед отлетом?

– Не позвонил.

– А ты ему?

И тут Саша впервые услышала, как Людка в Москве будто просыпается, а все внутри у нее бурлит, рождая обычный громкий голос и уверенные нотки.

– Еще чего! – выкрикнула она. – Почему это я должна звонить? Хватит того, что заходила к нему после школы, куда он не изволил явиться. Так папаша его сказал, чтобы я больше не показывалась, раз это моей маме не нравится. Наглый такой! Еще прибавил что-то типа: нечего валить с больной головы на здоровую…

– Ничего себе! – выдохнула Саша. – А что Макс?

– Не знаю, – Людка была рассержена. – Я его не видела. Нажаловался, наверное, папочке…

– И что ты теперь будешь делать?

Москва не отвечала.

– Людк? – позвала Саша.

– Не знаю, – опять тихо отозвалась Полетаева. – Теперь он только в конце каникул вернется. И ты туда же…

И тут произошло самое страшное – Людка начала всхлипывать. А Саша стояла посреди истринской чистейшей зимы и совершенно не знала, что делать. Подруга сама всегда учila ее, как обращаться с парнями. Теперь же Людка, кажется, впервые за время их дружбы, не знала, как поступить. И оттого стала Саше еще ближе и роднее. Вот только помочь ей ничем было нельзя.

– Ты это… того… не реви… слышишь? – просила Саша.

А Людка уже завывала.

– Отдыхай, Шарабанова! Не парься…

Саша старалась подобрать нужные слова, чтобы успокоить подругу, но они не понадобились. Телефон разразился короткими гудками – Людка бросила трубку. Саша в недоумении некоторое время смотрела на сотовый, но перезвонить так и не решилась. Понадеялась, что через день-другой Людка немного отойдет, а может, Макс все же позвонит или пошлет ей сообщение из жаркой Доминиканы. Вот тогда Людка снова станет прежней. И разговаривать с ней будет просто. Вот только Саша подумала: а лучше ли это – когда просто?..

Она засунула руки в карманы бабушкиной шубы и нашупала в одном из них большущую дырку. Ладонь проскочила в нее рыбкой и поплыла по подкладке. И вдруг калитка заскрипела: во двор ворвался Миша. Он подскочил к растерявшейся племяннице и, подхватив ее на руки, закружили над крыльцом.

– Привет, Кнопка!

Саша обняла Мишу за шею и на миг почувствовала себя счастливой и защищенной.

– Слушай, мне столько всего надо тебе рассказать! – шептала она.

– Расскажешь, обязательно! – смеялся Миша. – Только дай человеку поесть. Ух, как от тебя медом пахнет!..

И Миша поставил Сашу на ноги, а сам уже прошел в дом. Оттуда послышались приветственные возгласы, повеяло теплом. Казалось, все как прежде, вот только Саше до сих пор никак не удавалось вытащить ладонь, провалившуюся в дырку в кармане бабушкиной шубы…

Глава шестая Время вспять

Саша бродила за спинами сидящих вокруг стола людей, будто примеряясь к ним, рассчитывая – подходит ли для свободного места? После возвращения Миши разговор потек шумный, мужской. Так что бабушка лишь украдкой поглядывала на сына и зятя, только и успевая подкладывать им в тарелки еще теплые блины.

– Михаил, ну сколько можно здесь штаны просиживать! – заладил как всегда папа. – Загранпаспорт так и не оформил?

– А зачем он мне? – шамкал Миша с набитым ртом. – Меня и тут неплохо кормят.

– Эх ты! – махнул рукой папа. – Я в твоем возрасте все свободное время по миру катался. На автобусе с экскурсиями чуть ли не всю Европу проехал. А у тебя представления о жизни лишь из пыльных книг, да разве так можно в современном-то мире?

– Выходит, можно, – не обижался Миша. – Хотя, наверное, я какой-то устаревший экспонат.

– Вот был бы у тебя паспорт, мог бы сейчас вместо Сашки с нами на Гоа махнуть, – продолжал сокрушаться папа. – А то человек моря в жизни не видел. Ну куда это годится? В наш-то век!

– Не надо ему в Индию, – вставила бабушка. – А вот летом в Сочи, на Черное море, можно было бы... И правда, Миш, все сидишь здесь и сидишь...

Миша загадочно улыбнулся.

– Погодите еще, – сказал он. – Надо сначала все здешние ресурсы использовать.

Папа многозначительно присвистнул и махнул на Мишу рукой, показывая, что дальше переубеждать его не станет. Бабушка тоже покачала головой: сомнительные «ресурсы» ее явно не убедили. Но в чем бабушка была похожа с сыном, так это в том, что переубедить их обоихказалось совершенно невозможным. Как втемяшится что-то в голову, так будут стоять на своем до последнего. Все знали: пока Миша сам не надумает сдвинуться с места, никакими доводами его не выманишь из старой доброй Истры.

– Сашка, ну что, выгуляешь отца перед отъездом? – Папа вылез из-за стола. – Надо хоть расхваленным чистым воздухом подышать. И ноги размять.

– Идите, идите. – Бабушка стала собирать тарелки. – Хоть поговорите нормально перед разлукой. А то знаю я вас, москвичей, гоняетесь невесть за чем целыми днями: все дела-дела, а на разговоры по душам времени и не хватает...

И Саша подумала, насколько же бабушка права. Вроде родители все время рядом. Но папы по утрам и вечерам не видно из-за газеты, лишь макушка торчит. А диалоги он ведет в основном с телевизором. Спорит с ним, возмущается, будто за экраном до него есть дело. А на родную дочь может и вовсе не кинуть взгляд. Иногда Саша даже думала, что запросто сумеет поменяться местами с Полетаевой. И вот Людка преспокойно заявится к ним, как к себе домой: сможет поужинать, лечь спать, позавтракать и утопать в школу – а подмену так и не обнаружат!

Теперь у Саши появилась возможность побывать с папой наедине и, вероятно, потихоньку вытянуть из него какие-то подробности о мамином темном прошлом. Кто знает, может, откормленный и надышавшийся свежим воздухом папа потеряет бдительность и выпустит наружу хоть хвостик длинной тайны. Саша вышла со двора, как взрослая подхватила папу под руку, и они захрустели снегом, потопали вперед, чтобы подмять под себя Истру. Саша тихонько косилась на отца, но видела лишь поднятый воротник дубленки и испещренный короткими толстыми волосками подбородок: по случаю выходного дня папа не брился.

– Па-а-п, – протянула она. – Расскажи, а какой ты был в Мишином возрасте?

Папин подбородок опустился, над ним вырос нос, а потом и глаза с интересом уставились на дочь.

– Почему это ты вдруг интересуешься?

Саша затаилась, не стала отвечать и уже видела, как папин рот размяк, потек в полуулыбке. Он что-то вспоминал, становясь вновь юным и полным радужных надежд.

– Я не сидел, как Мишка, возле маминой юбки! – говорил он. – Меня все время тянуло узнавать новое, мчаться вперед без остановки. Я то время вспоминаю как постоянный бег. Будто несся навстречу жизни, без тормозов, не зная правил – такой счастливый дурак!

Саша робко хихикнула.

– Такой ты был, когда встретил маму? – спросила она. – И чем она тебе понравилась?

Папа снова задумался, будто вычищая из памяти прожитые вместе с мамой годы. Чтобы вновь увидеть ее такой, какой она была много лет назад.

– Она была загадочной, – сказал наконец он. – Наверно, за этой тайной я и погнался тогда, с жаждой понять что-то новое...

Тут Саше стало совсем интересно.

– А в чем была ее загадка? – выпалила она.

Папа открыл было рот, а потом, словно возвращаясь из далеких воспоминаний, серьезно взглянул на дочь.

– А я до сих пор ее не разгадал! – И тут он вдруг задорно подмигнул.

И Саша не могла понять: то ли папа шутит всерьез, то ли просто-напросто ловко увильнул от ответа и сам обрадовался, что вовремя смог прикусить себе язык.

– И ты сразу в нее влюбился? – ходила вокруг да около Саша.

– Без памяти! – кивнул пapa.

– А она в тебя?

– Пришлось постараться, – ответил пapa. – Но чем больше в женщину вложено сил и терпения, тем качественнее и долгосрочнее результат. Так ведь? Юная дама?

Саша даже замешкалась: во-первых, от неожиданного обращения «юная дама», а во-вторых, от того, как быстро пapa снова сменил тон. Теперь шутливость и pragmatism повелевали той трогательной искренностью, которую дочь шевельнула в отце.

– Откуда я знаю, – фыркнула Саша. – Нет у меня долгосрочных результатов.

– И это правильно! – спохватился отец. – Не надо нам пока никаких результатов!

Пapa выхватил свою руку и обнял Сашу за плечи, прижал к себе и уткнулся колючим подбородком прямо в макушку. Так что упругие волоски щекотали даже через вязаную шапку.

– Смотри, скоро меня перерастешь, – шутил он.

– Не-е, – все еще дулась Саша.

Но когда отец стоял вот так рядом и обнимал ее, вонзая свою щетину в ее макушку, Саша не могла на него сердиться. Ей было очень тепло и радостно где-то внутри, вот только почему-то немного хотелось плакать. Как в детстве, когда пapa брал ее на руки, если Саша сильно ушибалась, обдирала локти или коленки. И те слезы казались сейчас сладкими, а не солеными. Вдруг отец отстранился. Начал озираться по сторонам, пытаясь понять, куда же они забрели. Уложки разбегались в разные стороны: узкие, щербатые, снежные.

– Сашка, сколько времени? – Пapa всерьез заволновался.

А над Истрой уже стелились сумерки; окутывая купола монастыря, они ложились на колючий лес, стекали в овраг и потихоньку крались между городскими домами. Саша по привычке задрала рукав над левой кистью. Запястье было свободно.

– Ах, да! У меня же часы сломались! – воскликнула Саша. – Не знаю, сколько натикало.

– Когда сломались? – нахмурился пapa. – Уронила или стукнула?

– Недавно. Сами по себе сломались, – оправдывалась Саша. – Остановились и все тут.

Пapa недоверчиво покачал головой.

— Ладно, купим тебе новые. — Он усмехнулся. — А пока будь счастливой!

— Что? — удивилась Саша.

— Счастливые часов не наблюдают, — пояснил папа. — А вот мне уже пора: мама в Москве заждалась. Поворачиваем к дому.

И они свернули с пути. Обратная дорога показалась Саше совсем короткой: хоть бы чуть-чуть ее растянуть. Чтобы успеть сказать что-то важное. Но что именно, Саша точно не знала. Слова вертелись на языке, но будто примерзли к нему: никак не хотели соскакивать. Да и папа больше ни о чем не спрашивал, ничего не рассказывал. И взгляд его будто был устремлен куда-то внутрь. Папа строил какие-то планы, быть может — решал, по какой дороге ехать в Москву — по Волоколамке или по Риге. Или же вспоминал список продуктов, которые мама заказала ему купить. Вот только Саши в этих мыслях уже не было. Не было там и пылкой юности, загадочности, шутливого задора. И Саше снова стало очень-очень грустно...

Сразу после прогулки папа уехал в Москву. Поскреб на прощанье Сашу колючками по щеке, приобнял и, кажется, даже хотел что-то сказать или спросить. Застыл перед дочерью, взглядываясь в лицо, а потом махнул рукой и запрыгнул в машину. Ему никогда не давались разговоры по душам. Иногда казалось, что вся жизнь для него — лишь чья-то длинная шутка. Саша смотрела вслед отъезжающему автомобилю и ничуточки не жалела, что отправила родителей в Индию одних.

— Счастливого пути, — шепнула она, отвернулась и вбежала на крыльце.

Бабушка прилегла на часок отдохнуть, а дядя Миша успел снова улететь куда-то по своим делам. Дом будто бы замер, сонно переваривая минуты. Саша была предоставлена самой себе и даже радовалась тому, что у нее появилось время еще раз все хорошенько обдумать. Она тихонько бродила по комнатам, пропитываясь их запахами. Поскрипывали половицы под ее ногами, щелкал маятник настенных часов, трещали дрова в печи. Здесь все осталось как в детстве, только словно уменьшилось со временем. Чтобы достать конфеты с верхней полки серванта, уже не надо было подставлять табурет. Саша развернула «Батончик» — любимую конфету бабушки, и засунула за щеку. Этот мир был таким привычным и дорогим, что разрушить его вопросами о семейных тайнах оказалось не так уж и просто. Саша старалась подобрать нужные слова, много раз прокручивая в голове разговор с бабушкой или Мишой. Но вопросы напрыгивали один на другой, а междометия сыпались настоящим снегопадом. Обуздать свои эмоции и подобрать нужный тон никак не получалось. А еще страшнее было представить, что она раскроет все свои карты, вывернет душу, а в ответ услышит тишину. Вдруг бабушка не захочет говорить на эту тему? Что, если они с мамой заодно? Тогда вместо ответов Саша получит лишь новую обиду и боль. А Миша, как назло, стал теперь совсем неуловимым, его занимали какие-то свои взрослые дела, и не было времени на докучливую племянницу. Нет, видимо, для начала ей придется разбираться во всем в одиночку. И самой попытаться нащупать истину. Саша развернула второй «Батончик», чтобы как-то подсластить себе жизнь. Перед Новым годом так хотелось отпустить все заботы и проблемы, забыть обиды и хоть немного порадоваться елочным игрушкам, подаркам, салютам и фейерверкам...

Саша выглянула в окно — в дальнем углу участка росла елочка, точнее это была уже довольно высокая ель, на полметра раскинувшая свои присыпанные снегом пушистые ветви. Когда-то ее, совсем еще маленькой, Миша выкопал в лесу, а затем посадил около дома, чтобы украшать на каждый Новый год. Саша прекрасно помнила тот день, когда они всей семьей пересаживали деревенце — оноказалось беззащитным и хрупким, несмотря на все свои иголки. Для елки выкопали глубокую яму и заполнили ее водой и мягкой землей.

— Зачем такой маленькой елке столько места вокруг? — суетилась тогда Саша. — Сажайте ближе к забору!

– Сашка, ты ничего не понимаешь! – пыхтел Миша. – Елка же вырастет о-го-го какая! Нам в школе на уроке природоведения рассказывали, как пересаживать деревья. Так что не учи ученого!

И Саша доверилась старшим. Возле свежепосаженной елки воткнули толстую палку и повязали на нее яркую тряпичку.

– Это чтобы нам не потерять место, куда мы посадили елочку, – объясняла мама удивленной Саше. – Трава вокруг высокая вымахает, можем не заметить деревце и ненароком скосить...

Елочка и правда была ниже высокой травы – по пояс пятилетней Саше. Всю весну, лето и осень они охраняли деревце, наблюдая за его ростом. И в первый же Новый год водрузили на эту малышку звезду. Саша до сих пор помнила эту хрупкую елочку, гнущуюся под тяжестью большой красной звезды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.